

ИЗВѢСТІЯ  
ИМПЕРАТОРСКАГО  
РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА.

---

ПОДЪ РЕДАКЦІЮ  
ДѢЙСТВИТЕЛЬНЫХЪ ЧЛЕНОВЪ  
В. И. СРЕЗНЕВСКАГО и П. В. РХОЧИНСКАГО.

---

1881.

Томъ XVII.

---

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.  
ТИПОГРАФІЯ В. БЕЗОВА И КОМП.  
(Вас. Остр., 8 л., № 45 )

---

1887.

# ГЕОГРАФИЧЕСКІЯ ИЗВѢСТІЯ.

ТОМЪ XVII.

ВЫПУСКЪ ЧЕТВЕРТЫЙ.

1881 г.

## ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ ТУРФАНЪ <sup>1)</sup>.

Императорское Географическое Общество оказало мнѣ честь, разрѣшивъ прочесть въ Отдѣленіи математической и физической географіи отчетъ о совершенномъ мною въ 1879-мъ году путешествіи въ Турфанъ и о результатахъ этой поѣздки въ отношеніи къ орографіи и гидрографіи посѣщенныхъ мною частей западнаго Китая. Совершивъ съ 1876 до 1878 года поѣздки съ ботаническою цѣлью по Туркестанскому краю и особенно Семирѣченской области и Кульджинскому району, я имѣлъ желаніе пополнить полученные свѣдѣнія путешествіемъ по той части китайскихъ предѣловъ, которая находилась въ непосредственной связи съ посѣщенными доселѣ мѣстностями. Въ началѣ 1879-го года, директоръ Ботаническаго сада увѣдомилъ меня, что Туркестанскимъ генералъ-губернаторомъ приняты всѣ мѣры къ тому, чтобы я могъ совершить путешествіе на востокъ отъ Кульджи, и что на это даются средства отъ Министерства Государственныхъ Имуществъ и Министерства Финансовъ. Хотя въ то же самое время наши сношенія съ китайскими пограничными властями ухудшались, однако, военнымъ губернаторомъ Семирѣченской Области генералъ-лейтенантомъ Колпаковскимъ, мнѣ были даны открытый листъ на слѣдованіе въ городъ Шихо и въ прочія части Новой линіи и рекомендательное письмо къ шихинскому дзяньдзюну. Вмѣстѣ съ тѣмъ ко мнѣ были при-

<sup>1)</sup> Читано въ Отдѣленіи математической и физической географіи Императорскаго Русскаго Географическаго Общества 10-го марта 1881 года.

командированы четыре солдата 10-го туркестанскаго линейнаго баталіона. Кромѣ названныхъ солдатъ, я взялъ съ собою одного отставнаго солдата, опытнаго въ столярномъ и другихъ ремеслахъ, а изъ туземцевъ одного манджурскаго переводчика, знавшаго русскій, китайскій, манджурскій, монгольскій и тюркскій языки, одного кашгарца также знавшаго по русски, по китайски и по тюркски, одного таранчинскаго работника, знавшаго тюркскій и отчасти и китайскій языки, одного мусульманскаго калмыка, знавшаго кромѣ того и монгольское нарѣчіе, одного кара-киргизскаго охотника съ прислужникомъ и казакъ-киргизскаго проводника. Слѣдовательно вмѣстѣ со мною насъ было 13 человекъ; такое количество казалось мнѣ необходимымъ для проведенія выюковъ, для ночныхъ карауловъ и на случай раздѣленія на двѣ партіи. Солдаты показали полную готовность производить тяжелыя работы, особенно починку дорогъ, стрѣлять звѣрей и помогать при составленіи коллекцій. Туземцевъ также не трудно было приучать къ послѣднему занятію; кромѣ того, на нихъ лежала обязанность наблюдать за лошадьми, вести ихъ и въ случаяхъ надобности чинить сбрую, одежду и обувь. Кушанье—русскіе и туземцы варили отдѣльно въ желѣзныхъ котлахъ; хлѣбъ пекли въ золѣ. Провизія состояла изъ муки, сухарей и простого и кирпичнаго чая; затѣмъ мы надѣялись на возможность покупки мяса и добыванія дичи, что, впрочемъ, недостаточно оправдалось. Либиховскаго экстракта, шоколата, сгущеннаго молока и консервовъ люди не любили. Я имѣлъ съ собою собственныхъ 14 верховыхъ и вьючныхъ лошадей и 5 большихъ верблюдовъ. Кромѣ того, кара-киргизы ѣхали на своихъ лошадяхъ. Мы были вооружены девятью берданками, тремя охотничьими ружьями и нѣсколькими револьверами и саблями, и имѣли достаточное количество патроновъ. Наконецъ у насъ были двѣ палатки и одна юрта, которая затѣмъ замѣнилась кошечною палаткою. Я выступилъ изъ Кульджи 22-го апрѣля по направленію на сѣверо-востокъ и остановился въ 25-ти верстахъ къ сѣверу отъ города, въ послѣдней таранчинской деревнѣ Пенчинѣ. Отсюда мы на другой день подымались по протяженію 20-ти верстъ на продолженіе Талкинскаго хребта, составленное только изъ неплутоническихъ породъ и, приблизившись къ подножію второго плутоническаго хребта Куюка, шли въ продолженіи трехъ сутокъ на востокъ по прохладной нагорной равнинѣ Турасу а 27-го апрѣля дошли до сѣвернаго Борборогуссуна, находящагося на разстояніи 70 — 75 верстъ отъ Кульджинскаго меридіана. До выхода изъ горъ въ

Джунгарскую равнину намъ оставалось 30 верстъ по сѣверному направленію и затѣмъ еще, около 45—50-ти верстъ, черезъ бесплодное пространство до китайскаго города Джинхо по сѣверо-восточному. Городъ Джинхо состоитъ изъ предмѣстья и крѣпости и имѣетъ красивыя молебни прошлаго столѣтія; населеніе около 800 душъ. Китайскія власти дали мнѣ свободный пропускъ въ Шихо, присовокупивъ, однако, что торговое сообщеніе уже приостановлено. По случаю сильнаго знойнаго вѣтра, мы выступили изъ Джинхо только 1-го мая вечеромъ и, переваливъ черезъ незначительный отрогъ горъ Иренхабирга, спустились въ печальную солончаковую равнину, окружающую восточное окончаніе озера Эби-нора, и ночевали у родника Кумъ-булакъ, расположеннаго вблизи озера съ поваренною солью, въ 25—30-ти верстахъ отъ Джинхо. Къ востоку отъ этой мѣстности, по дорогѣ въ пикету Тату, куда намъ на другой день оставалось сдѣлать около 40—50 верстъ, тянутся высокіе песчаные бугры, почти безъ всякой растительности кромѣ тощаго саксаула, а затѣмъ лѣса степнаго тополя, т. е. *Populus euphratica*, растущіе на чистомъ солонцѣ. Начиная отъ Тату мѣстность представляетъ лучшій видъ и встрѣчаются гдѣ луговныя пространства, гдѣ лѣсъ, сплошь до пикета *Энте* (или Тургенъ) на рѣкѣ Талды-булакъ, что въ 30-ти верстахъ отъ Тату. Далѣе на 30 верстъ простирается открытая мѣстность до деревни Сигаши, куда мы пріѣхали 4-го мая. Здѣсь я остановился на берегу высохшей Сигашинской рѣчки, въ ожиданіи отвѣта на отправленныя въ Шихо бумаги. По этому же случаю, отправилъ въ Шихо сперва одного, а затѣмъ и второго переводчика, но не слыша ни чего про нихъ въ продолженіи двухъ сутокъ, рѣшился выступить 6-го мая пополудни въ Шихо. Дорога отклоняется на сѣверо-востокъ и на протяженіи 10-ти верстъ держится въ красивомъ вязовомъ лѣсу, а затѣмъ отъ деревни Пурташи вступаетъ въ открытое поле, по которому остаются еще 25 верстъ пути до Шихо. Шихо расположенъ по рѣкѣ Карсу и состоитъ изъ довольно отдаленныхъ другъ отъ друга таранчинскаго базара, съ находящимися вблизи его двумя фортами, провіантскимъ магазиномъ, и крѣпости дзянь-дзюна, вблизи которой находится 6 фортовъ. Населеніе около 10.000, гарнизона 2000. Я пробылъ въ этомъ городѣ пять сутокъ и на третій день принималъ визитъ помощника дзянь-дзюна, который согласился дать мнѣ пропускъ черезъ Сигашинскія горы на рѣку Кашъ, въ нашу территорію, но въ разрѣшеніи дальнѣйшее слѣдованіе отка-

заль, на томъ основаніи, что дзянь-дзюнь чувствуетъ себя обиженнымъ тѣмъ, что русскіе не возвращаютъ ему Кульджи. Я выступилъ изъ Шихо обратно въ Сигашу 12-го мая, въ сопровожденіи китайскаго офицера. Такъ какъ этотъ офицеръ объявилъ, что онъ не уполномоченъ провести насъ въ горы, и такъ какъ, кромѣ того, могло дойти до свѣдѣнія китайцевъ, что я удаляюсь въ горы безъ спросу, то я на другой день, сдѣлавъ видъ, что ѣду въ Джинхо, а между тѣмъ, прежде чѣмъ подоспѣлъ конвой, не доходя до Талды-булака, велѣлъ людямъ разсыпаться и, прикрываясь рощею колючки, соединиться только на безплодномъ пространствѣ выше по теченію этой рѣки, гдѣ слѣды лошадей уже смѣшивались со слѣдами многочисленныхъ джигетаевъ. Мы ночевали безъ огня на чистомъ полѣ, въ 20 верстахъ къ югу отъ пикета.

14-го мая оставалось сдѣлать 10 верстъ до выхода рѣки изъ горъ, и затѣмъ мимо первыхъ китайскихъ рудниковъ сдѣлано еще 10—12-ти верстъ, причемъ людьми замѣчено лишь нѣсколько чело-вѣкъ китайцевъ, не слѣдившихъ, однако, за нами.

15-го мая мы переправились черезъ отроги горъ за 30 верстъ, на юго-западъ, къ самымъ верховьямъ Талды-булака, откуда нами предпринято было на слѣдующіе дни нѣсколько экскурсій къ ледникамъ, съ цѣлью найти проходъ на рѣку Кашъ, что, однако, не удалось.

Природа на Талды-булакѣ величественная: главный ледникъ имѣетъ значительную длину и ширину; бока долинъ на протяженіи многихъ верстъ также заняты ледниками и текущими съ нихъ водопадами. Въ низменныхъ частяхъ, покрытыхъ еловымъ лѣсомъ, водятся олени, а на альпійскихъ высотахъ пасутся горные козлы и бараны.

Отъ 28 до 30-го мая мы продолжали путь по западному и сѣверо-западному направленію, причемъ мы перешли черезъ притоки Кумъ-беля, держась на протяженіи 50-ти верстъ все въ высокой горной мѣстности. 31-го мая мы сдѣлали 25-ти верстный переходъ черезъ перевалъ Уланъ-дабанъ, къ боковымъ притокамъ Джина, гдѣ мы встрѣтили первыхъ торгоутовъ. Запасшись новою провизією, мы 4-го іюня обошли край широкаго бассейна, занимаемаго Джиномъ по выходѣ изъ горъ, и въ слѣдующіе дни перебрались круговыми горными путями, по неумѣлости проводника, на Джинъ, на параллельный притокъ его Цаганъ-голъ и на притокъ Цаганъ-гола Нарынъ-голъ, составляя въ это время только этно-мологическія коллекціи. Съ Нарынъ-гола мы искали прохода на Боргатинскій и Акбозинскій перевалы и, при этомъ, дошли до богатой

стоянки торгоутскаго бейли Огира, въ красивой альпійской мѣстности; но вмѣстѣ съ тѣмъ мы убѣдились, что нѣтъ возможности пройти по этому направленію съ верблюдами. Поэтому 13-го іюня мы направились къ рѣчкѣ Уластаю, спускающейся въ бассейнъ Джина съ запада, и отъ нея 14-го іюня перешли черезъ перевалъ Чункурь-дабанъ, находящійся еще въ ледниковой полосѣ, въ прямомъ разстояніи отъ Уланъ-дабана не болѣе 60—70 верстъ. Простоявъ у южнаго подножія этого перевала въ аулѣ Чакаровъ, монголовъ изъ племени Калха, мы направились 16-го іюня на южный притокъ сѣверной Нилки, принадлежащей къ системѣ Сѣвернаго Борборогусуна, по дикой лѣсистой дорогѣ, и оттуда переправились черезъ небольшой кряжъ, состоящій изъ сланцевъ, на долину Каша, къ южной Нилкѣ. У выхода этой рѣчки изъ горъ я собиралъ окаменѣлости коралловъ и раковинъ, и затѣмъ велѣлъ людямъ остановиться около деревни Нилки, отъ которой до Чункурь-дабана будетъ 60—70 верстъ, самъ же отправился въ Кульджу для приготовленій къ дальнѣйшему путешествію. Манджурскій переводчикъ оказался негоднымъ на дорогѣ по китайскимъ предѣламъ, а кашгарецъ заболѣлъ, и такъ какъ не удалось найти другаго человѣка, то мнѣ только оставалось полагаться на собственные познанія въ тюрескихъ нарѣчіяхъ. Кромѣ того отъ меня ушли кара-киргизы и отставной солдатъ мастеровой. Для пополненія этихъ пробѣловъ я взялъ съ собою одного стараго таранчинскаго слугу, одного таранчинскаго работника, одного калмыка — изъ племени арбунъ-сумуновъ и одного калмыка изъ племени торгоутовъ, изъ которыхъ впрочемъ первый затѣмъ былъ замѣненъ таранчинцемъ; кромѣ того уже въ Шихо ко мнѣ присоединился кашгарецъ, знавшій отлично китайскій языкъ и весьма проворный въ дорогѣ. Сверхъ того насъ временно провели по Кашу двое калмыцкихъ проводниковъ. На мѣсто верблюдовъ, которыхъ я сбывъ одному таранчинскому судѣ, я теперь прибрѣлъ лошадей, которыхъ, вмѣстѣ съ купленными въ дорогѣ, стало сорокъ. Кромѣ того я запасся новою мукою и рисомъ, за которыми посылалъ еще два раза съ Каша въ Нилки, а также 30 живыми баранами. Я выступилъ въ новый путь 30-го іюня и одинъ день занимался на урочищѣ Джурумъ-таѣ осмотромъ угольныхъ пластовъ и песчаниковъ, въ которыхъ находятся большіе стволы каламитовъ и другихъ древесныхъ породъ. 4-ое іюля было посвящено осмотру Боргатинскаго сѣрнаго источника, въ 40—45-ти верстахъ отъ Нилки. 6-го іюля мы выступили на безлюдныя луговныя про-

странства, занимающія нагорный плато по среднему протяженію Каша. Мы остановились на второй день около долины Арыслына, въ 40 верстахъ отъ Боргатинскаго источника. Отсюда мы предпринимали нѣсколько экскурсій къ перевалу, ведущему по всему вѣроятію на Кумъ-бель, и, для лучшаго сообщенія съ другою стороною, выстроили мостъ черезъ рѣку Арыслынъ. Съ этого мѣста мы съ большимъ затрудненіемъ проложили себѣ дорогу къ берегу Каша, лежащему здѣсь уже на уровнѣ 5—6.000 футовъ, и на этомъ пути опять встрѣтили каменный уголь. 27-го іюля выступили отъ низовьевъ Арыслына въ дальнѣйшій путь, затрудняемый переходами черезъ рѣки Пургунъ-цаганъ и Аршанъ-цаганъ, и черезъ 60—70 верстъ дошли до соединенія рѣчекъ Серикъ и Менгетъ, гдѣ сдѣлали новый привалъ. Изъ сличенія показаній туземцевъ съ тѣмъ, что я видѣлъ при посѣщеніи другой стороны этого перевала, я заключаю, что одна дорога отъ перевала идетъ на рѣчку Куйтунъ, а вторая, поворачивающая отъ нея на западъ, ведетъ на Сигашу. Горы достигаютъ вышины въ 12—14 000 футъ; флора на сѣверномъ склонѣ имѣетъ характеръ флоры сухихъ альпійскихъ площадей, ярко отличающейся отъ роскошной флоры по Кашу. Отъ Менгетъ оставалось 100 верстъ въ восточномъ направленіи до того мѣста, гдѣ верховья Каша появляются изъ узкаго ущелья, по которой еще осталось около 40 верстъ до громадныхъ непроходимыхъ ледниковъ, изъ которыхъ рѣка беретъ свое начало. Горы здѣсь превышаютъ высоту 15.000. Въ щели, на вышинѣ 10.000 футовъ, находится теплый источникъ не минеральнаго свойства. На нашемъ ночлегѣ 14-го августа вышалъ глубокій снѣгъ, который, впрочемъ, стоялъ на солнцѣ. Отъ верховьевъ мы спустились внизъ по лѣвому берегу Каша, и въ 25-ти верстахъ къ востоку отъ Менгетъ отыскали проходъ на Кунгесъ по рѣчкѣ Арыждан-дабану, что удалось при вторичныхъ попыткахъ. По Кунгесу оставалось трое сутокъ пути, всего около 60-ти верстъ, все въ восточномъ направленіи, до подножія перевала Одикура, гдѣ насъ 31-го августа и 1-го сентября снова застигъ глубокій снѣгъ, который уже не таялъ. Тѣмъ не менѣе 2-го сентября я перешелъ черезъ этотъ перевалъ, имѣющій 9.000 — 9.500 футовъ высоты, на безлѣсную долину Малаго Юлдуса, гдѣ мы 5-го сентября дошли уже до соединенія Халчагая съ Сагастаемъ, приблизительно въ 55—60 верстахъ отъ Одикура; по Халчагаю, какъ извѣстно, свернулъ въ 1876-мъ году на Карашаръ полковникъ Пржевальскій. Такъ какъ изъ моихъ лошадей уже много пало и заболѣло, то я отпавилъ

обратно по Кунгесу въ Кульджу, куда оставалось 27 дней пути, шестерыхъ людей съ 19 лошадьми и лишними вещами, самъ-же взялъ на дальнѣйшую поѣздку шестерыхъ изъ самыхъ проворныхъ и преданныхъ людей, именно солдатъ Маторина и Кухарика, проводника Коккуза, кашгарца Миралима, мусульманскаго калмыка Худайберде и, знающаго дорогу въ Турфанъ, торгоута Кокпина; затѣмъ выбралъ лучшихъ лошадей, лучшихъ барановъ, одну палатку и самое лучшее оружіе. Пройдя около 45-ти верстъ, мы на другой день дошли до одной изъ двухъ первоначальныхъ щелей Сагастая, которая вырѣзана въ невысокомъ гранитномъ плато, и, держась все еще почти восточнаго направленія, сдѣлали еще 20 верстъ а 7-го сентября дошли до Уластайскаго перевала, имѣющаго вышину въ 9.000—10.000 футовъ и ведущаго въ область южнаго Хапчагая; другой притокъ Сагастая находится уже въ соприкосновеніи съ верховьями Манасской рѣки. На одномъ изъ притоковъ Хапчагая, въ суткахъ быстрой ѣзды отъ Карашара, мы на другой день, черезъ 10—15 верстъ, въ безспѣшной мѣстности встрѣтили первые торгоутскіе аулы. Убѣдившись изъ словъ торгоутскаго старшины, что онъ обязанъ призвать китайцевъ, которые, затѣмъ, дѣйствительно послали вслѣдъ за нами 50 человекъ конныхъ солдатъ, я сдѣлать видъ, что принявъ его приглашеніе остановиться у нихъ священниковъ на зиму, но на самомъ дѣлѣ собрался 10-го сентября въ безостановочный путь къ востоку; переваливъ черезъ поперечный кряжъ Хатынь-богдо и двинувшись затѣмъ дальше по нагорью, черезъ 50 верстъ добрались мы къ вечеру до самаго восточнаго притока Хапчагая. 11-го сентября мы перешли по скрытой дорогѣ 25-ти верстнымъ переходомъ черезъ Алгойскій перевалъ, находящійся на вышинѣ 10.000 футовъ. Здѣсь открывается новая нагорная равнина съ озеромъ, возлѣ котораго расходятся дороги въ Урумчи и Турфанъ; равнина эта съ сѣвера окаймлена невысокими снѣжными буграми, а съ юга снѣжнымъ хребтомъ, окаймляющимъ сирава долину Алгоя. По этой долинѣ, имѣющей длину въ 80—100 верстъ и идущей прямо на востокъ, мы двигались 4 сутокъ, минуя еще разъ торгоутскіе аулы. Въ началѣ растительность имѣла альпійскій характеръ, затѣмъ появился лѣсъ, состоящій изъ душистыхъ и степныхъ тополей, вяза, гребеньщика, высокой кустарниковой розы и пурпуровой ивы. Горы на Алгоѣ почти голыя, и только въ одномъ мѣстѣ является на утесѣ ельникъ. Тамъ, гдѣ долина кончается, вода Алгоя исчезаетъ подъ галькою и кругомъ разстилается сухая гальковая пустыня, гдѣ не шевелится ни одинъ червь, не зеленѣетъ ни



одна травка. По этому пространству мы пробрались 15-го сентября и вечеромъ, послѣ перехода въ 40—45 верстъ, остановились на безводномъ мѣстѣ около первой колючки, недалеко отъ хутора Тогуз-тарау. Послѣ короткаго отдыха мы пробрались въ потѣмахъ черезъ населенныя мѣста и, послѣ перехода въ 20—25 верстъ все въ восточномъ направленіи, пробрались до полуночи въ сосѣдство города Токеуна, откуда оставалось еще 60 верстъ до Турфана въ сѣверо-восточномъ направленіи.

16-го сентября утромъ мы очутились посреди роскошныхъ торговыхъ полей, откуда оставалось всего нѣсколько часовъ ѣзды до города. Таранчинцы и китайцы узнали насъ только въ самомъ сосѣдствѣ города, такъ что мы безпрепятственно прошли подъ воротами, гдѣ и было предъявлено открытое предписаніе Смирѣченскаго Военнаго Губернатора. Меня звали въ китайскую крѣпость къ первому начальнику Турфана, который указалъ намъ квартиру и, по моему настоянію, согласился оставить намъ оружіе. Къ сожалѣнію, китайцы успѣли увести лошадей въ первые дни, когда у меня, вслѣдствіе продолжительной ѣзды, заболѣли ноги, но это не помѣшало намъ прогуляться по городу и его окрестностямъ, и я былъ остороженъ только въ первое время, когда носились слухи о возстаніи въ Кашгарѣ; когда же я убѣдился, что мнѣ не разрѣшать дальнѣйшихъ поѣздокъ по восточному Туркестану, то добился возвращенія лошадей черезъ попытку выступить изъ города пѣшкомъ, съ оружіемъ въ рукахъ. Нынѣшній Турфанъ, называемый таранчинцами Турпаномъ, состоитъ изъ двухъ городовъ, расположенныхъ другъ отъ друга на разстояніи одной версты, именно изъ западнаго таранчинскаго, основаннаго Якубъ-бекомъ, имѣющаго около 3000 таранчинскихъ и дунганскихъ жителей, и изъ восточнаго,—старой китайской крѣпости, съ 800 китайскихъ жителей, включая сюда гарнизонъ въ 150—200 человекъ. Къ югу отъ крѣпости находится дунганская деревня, около которой замѣтны остатки стараго города, построеннаго какъ говорятъ 500 лѣтъ тому назадъ нѣкимъ Сувангомъ; ему же приписывается постройка красивой башни, стоящей на востокъ отъ города, на рѣкѣ Булукъ. Турфанскій округъ состоитъ изъ многихъ мелкихъ оазисовъ, лежащихъ посреди безплодной пустыни, и гдѣ живутъ около 100.000 жителей таранчинскаго, дунганскаго и китайскаго происхожденія. Большинство построекъ съ плоскими крышами, только въ крѣпости дома построены по китайскому образцу съ двухскатными крышами. Все населенное пространство пред-

ставляет роскошные сады, въ которыхъ разводятся изъ плодовыхъ породъ: яблони, груши, абрикосы, персики, виноградъ, граваты. а изъ экономическихъ растений: рисъ, ячмень, пшеница, просо, соргумъ, хлопчатая бумага и кунжутъ. Соргумъ даетъ муку, хлѣбъ и кормъ; хлопчатая бумага идетъ на собственное употребленіе и для вывоза, а изъ винограда преимущественно готовится сушеный кишмишъ. Вода проводится къ саду и полю подземными канавами, которыя начинаются на томъ мѣстѣ, гдѣ вода горныхъ ручьевъ исчезаетъ подъ галькою; выступивъ наружу, вода разливается на поляхъ и затѣмъ снова собирается во вмѣстилищѣ, откуда протекаетъ снова въ землю, давая начало новой системѣ канавъ. Турфанскій климатъ способствуетъ быстрому созрѣванію плодовъ, а пшеница и кунжутъ даже даютъ ежегодно двукратный урожай. Виноградъ на зиму прикрывается по причинѣ безснѣжія. Изъ окрестностей Турфана мною посѣщены: деревни на рѣчкѣ Булукъ, въ 10 верстахъ къ сѣверу отъ Турфана, каменноугольныя копи Карузе, въ 25-ти верстахъ къ сѣверо-востоку отъ Булука у самаго подножія горъ, деревня Карагуджа, находящаяся въ 35 верстахъ къ востоку отъ Турфана и древняя священная могила Туокъ-Мазаръ, находящаяся еще 15 верстъ далѣе Карагуджи. Отъ послѣднихъ мѣстъ дорога идетъ на Лукчинъ и затѣмъ, мимо солонцеваго озера черезъ продолженіе Алгойскаго хребта, на Лобъ-норъ, куда считается изъ Турфана трое сутокъ быстрой ѣзды. Изъ Мазари есть прямая дорога въ Хами, но обыкновенная дорога отклоняется на сѣверъ уже недалеко отъ Турфана и, держась южнаго подножія горъ, проходитъ черезъ мѣста Сингимъ, Лямшинъ, Ханду и Пишанъ. Рядомъ съ Карагуджею находится развалина громаднаго города, построеннаго будто бы 2000 лѣтъ тому назадъ мнѣвскимъ царемъ Такіанусомъ. Стѣны этого города чрезвычайно толсты и высоки и имѣютъ съ каждой стороны длину болѣе версты. Внутри города помѣщаются высокія башни со сводообразными окнами или дверями, построенныя нѣсколькими уступами, въ томъ родѣ, какъ мы себѣ представляемъ башню Ваала, затѣмъ высокіе памятники и отдѣльно стоящія высокія толстыя стѣны, въ которыхъ расположено нѣсколько этажей сводовъ, служившихъ, повидимому, для жилища. Посѣщеніе этихъ мѣстъ возбудило большую тревогу со стороны китайской администраціи, и я едва успѣлъ изъбавить жившихъ при нашей квартирѣ, сторожей отъ жестокаго наказанія.

28-го октября я выступилъ изъ Турфана обратно въ Токсунъ.

сопровожаемый китайскимъ начальникомъ таранчинскаго Турфана и таранчинскимъ бекомъ этого города. Токсунъ расположенъ на южной сторонѣ рѣки Дабанъ-шанъ, которая беретъ начало въ горахъ Богдо-ола, къ сѣверу отъ хребта Иренхабирга, и, прорвавъ этотъ хребетъ, соединяется съ русломъ Алгоя, правда, большую часть года безводнымъ.

Къ югу отъ Токсуна поднимаются Алгойскія горы, гдѣ живутъ много дикихъ верблюдовъ и черезъ которыя дорога идетъ на Айгиръ-булакъ и Чокталъ, составляющій, какъ говорятъ, низовье Тамиркая. Токсунъ состоитъ изъ маленькой крѣпости, съ сотней гарнизона, и изъ базара; кромѣ того на сѣверъ отъ китайскихъ крѣпостей расположена недостроенная Якубъ-бекомъ крѣпость. Жителей всего нѣсколько сотенъ, по большинству дунганскаго происхожденія, занимающихся преимущественно ткацкимъ ремесломъ. Послѣ дневки мы направились на Урумчинскую дорогу, къ сѣверу, по совершенно пустынному пространству, и только около пикета Бастага, въ 45—50 верстахъ отъ Токсуна, встрѣтили первую траву. Далѣе этого пикета дорога на протяженіи 25—30 верстъ проходитъ по щели рѣки Дабанъ-шанъ, горы по сторонамъ которой довольно высоки, но не доходящія однако до снѣжной линіи и обладающія скудною растительностью. По срединѣ щели дорога соединяется съ другою колесною дорогою, идущею прямо изъ Турфана и не заходящею въ Токсунъ. Передъ началомъ щели, на сѣверѣ, дорога переваливаетъ черезъ два небольшіе перевала и затѣмъ спускается въ плодородную и лѣсистую равнину, въ которой къ западу отъ рѣки и всего въ нѣсколькихъ верстахъ отъ горъ расположенъ небольшой дунганскій городокъ Дабанъ-шанъ. Знаменитая снѣжная гора Богдо-ола, дающая начало Дабанъ-шанской рѣкѣ, находится только немного къ западу отъ меридіана города, и, достигая 14,000 футовъ высоты, значительно превышаетъ прочія части хребта, который на востокъ сливается съ Иренхабирга. Отдохнувъ отъ холоднаго сухого бурана, который мы испытывали при переходѣ черезъ Иренхабирга, мы пошли 2-го ноября по западному направленію вдоль Дабанъ-шанской долины, занимаемой то песками, то камышами и озерами, изъ которыхъ самое большое, по имени Айдинъ-куль, находится около пикета Сайабы, въ 40—50 верстахъ отъ Дабанъ-шаня. 3-го ноября мы прошли еще 20—25 верстъ по этой равнинѣ и затѣмъ поднялись на послѣдній отрогъ хребта Богдо-ола, имѣющій здѣсь абсолютную вышину въ 4000—5000 футовъ и, послѣ 25—30 верстнаго перехода,

спустились въ долину города Урумчи. Городъ Урумчи расположенъ у соединенія рѣчки Уланбэ съ Алтынчи и окаймленъ съ востока послѣдними отрогами Богдо-ола, а съ запада къ нему подходит небольшія горы Алтынчи, изобилующія прекраснымъ каменнымъ углемъ; на выдающихся скалахъ этихъ горъ построены съ обѣихъ сторонъ древнія башни, такъ что великолѣпная картина города оказывается окаймленною величественною рамкою. За горами Алтынчи находится урочище Лянсянь, откуда есть перевалы къ притокамъ Халчагая. Нынѣшній китайскій городъ въ длину нѣсколько верстъ имѣетъ, по показаніямъ туземцевъ, 30,000 китайскихъ и дунганскихъ жителей, съ нѣсколькими сотнями гарнизона; въ окрестностяхъ города живутъ около 7000 дунганскихъ хлѣбопашцевъ. Около южнаго конца города расположена небольшая крѣпость, построенная Якубъ-бекомъ, а на западномъ берегу рѣчки находится громадная развалина манджурскаго города, разрушеннаго во время возстанія. Мнѣ передавали, что другія развалины находятся на югѣ около горъ Иренхабирга. Приемъ со стороны Урунчинской администраціи былъ не ласковый и черни давали произвольно тревожить насъ. Изъ Урумчи я выступилъ 5-го ноября въ Санджи, расположенный въ сѣверозападномъ направленіи, на разстояніи 30 — 40 верстъ. Дунганскій городъ Санджи, имѣющій около 1000 жителей, расположенъ на западномъ берегу Санджинской рѣки, берущей начало около Лянсяни. Около сѣверо-восточнаго конца города помѣщается развалина стариннаго города, похожая на развалины, видѣнныя около Карагуджи. Въ Санджи насъ приняли хорошо. Еще до выѣзда нашего, 7-го ноября, выпалъ снѣгъ, и мы ѣхали по снѣгу при значительномъ холодѣ до самаго Шихо. Отсюда начинаются лѣса, простирающіеся до Манаса. Слѣдующій дунганскій городъ Хотуби, расположенный въ 50 верстахъ отъ Санджи, имѣетъ нѣсколько сотенъ жителей. Затѣмъ слѣдовалъ 30 — 35 верстный переходъ до мѣстечка Хуту и 45 верстный переходъ до Манаса. Послѣдній городъ, гдѣ мы сдѣлали дневку, имѣетъ около 3000 китайскихъ жителей и гарнизонъ въ нѣсколько сотенъ солдатъ. Онъ состоитъ изъ трехъ частей: южной, средней и сѣверной, окруженныхъ общею стѣною; предмѣстья разрушены во время войны съ дунганами. Манасская рѣка—самая большая рѣка Джунгаріи; она находится въ 57 верстахъ къ западу отъ города и выходитъ изъ высочайшей части горъ Иренхабирга, превышающей по видимому высоту 15.000'. Въ 35—40 верстахъ отъ Манаса слѣдуетъ пикетъ Уланусу, затѣмъ нѣ-

сколько маленьких китайских выселковъ, черезъ 50 верстъ деревня Япжихай, послѣ того черезъ разстояніе въ 30 верстъ мѣстечко Куйтунъ съ 3 фортами, въ которыхъ помѣщается около 500 человѣкъ манджурской и валмыцкой конницы. Отъ Куйтуна до Шихо остается 20—25 верстъ по сѣверо-восточному направленію; на половинѣ дороги находится рѣка Куйтунъ. Пространство отъ Манаса до Шихо большею частью лѣсистое. Въ Шихо я вернулся 14-го ноября и былъ задержанъ подъ предлогомъ аудіенціи у дзянь-дзюна; наконецъ, когда люди уже уѣхали впередъ въ Джинхо и когда въ ночь на 24-е ноября ко мнѣ подсылали солдата увести меня одного въ Кульджу, я, подъ угрозою защищаться силою, вышелъ изъ города одинъ, съ однимъ только кашгарцемъ. Въ Сигапу ко мнѣ присоединился почетный конвой изъ 60 человѣкъ съ знаменами, но который удалился по ту сторону Джинхо, когда ожидалось нападеніе отъ дунганъ. Когда мы съ 4 берданками, оставшимися въ цѣлости, и сопровождаемые 30 невооруженными купцами, дошли 20-го ноября до середины Борборогуссунской щели, то дунгане, въ числѣ 30 человѣкъ вооруженныхъ по большинству ружьями, заряжающимися съ дула, и съ большимъ резервомъ, въ продолженіи 20 минутъ продолжали противъ насъ на близкое разстояніе перестрѣлку, но благодаря тому обстоятельству, что я успѣлъ занять господствующую позицію, нѣсколько дунганъ и лошадей остались на мѣстѣ. Переваливъ черезъ покрытый глубокимъ снѣгомъ переваль Турасу, я вернулся въ Кульджу 1-го декабря.

Если спрашивать, каковы могутъ быть непосредственные научные результаты отъ подобной поѣздки, то нужно отвѣтить, что при бѣгломъ прохожденіи черезъ мѣстность, путешественникъ можетъ заниматься только своею спеціальностью, или же, исходя отъ таковой, вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ обратить вниманіе и на прочія научныя отрасли, которыя его интересуютъ. Последнее въ нѣкоторомъ отношеніи составляетъ неизбѣжную обязанность путешественника, когда онъ, благодаря сложившимся обстоятельствамъ, имѣетъ возможность проникнуть въ такую мѣстность, которая въ другое время можетъ считаться закрытою. Поставленный въ подобную нравственную необходимость, путешественникъ принесетъ тѣмъ больше пользы для менѣ знакомыхъ ему отраслей науки, чѣмъ многостороннѣе онъ передъ тѣмъ имѣлъ случай знакомиться съ со-сѣдними мѣстностями и по теоріи съ тою въ которой путешествуетъ и чѣмъ болѣе критически отнесется къ тому, что увидать и услы-

пять. Науки, на которыя желательно обратить вниманіе въ такомъ случаѣ, опредѣляются тѣмъ, имѣется ли дѣло съ мѣстностью, въ которой вся работа ограничивается изученіемъ одной природы, или со страной обитаемою, нынѣ и прежде, дикими или культурными народами. На огромномъ пространствѣ Средней Азіи природа есть первое, что привѣтствуетъ путешественника, и передавалъ только самую общую картину ея, конечно, безъ неосновательныхъ прибавокъ къ дѣйствительности, и подтверждая сказанное, если возможно, коллекціями, рисунками и картами, путешественникъ все-таки обогатитъ наши познанія о поверхности земли и кромѣ того можетъ принести пользу для будущихъ практическихъ и экономическихъ соображеній. Но все-таки не легко правильно понимать то, что попадаетъ подъ руку, именно сложеніе самой мѣстности, расположеніе хребтовъ и ихъ отроговъ, нагорныхъ площадей и степныхъ пространствъ, наконецъ теченіе рѣкъ и расположеніе водяныхъ бассейновъ; неоднократно удастся видѣть, что даже люди, весьма свѣдующіе ошибаются въ рѣшенія этихъ простыхъ задачъ; о сѣмѣ же безъ помощника нечего и думать. Если вникать въ геологію, то было бы задачей путешественника правильно опредѣлить послѣдовательность слоевъ, ихъ направленіе и химическое свойство, или, въ виду могущихъ быть ошибокъ, собирать подъ рядъ образцы всѣхъ встрѣчающихся породъ; но все это не такъ легко исполнимо, и путешественникъ будетъ себя считать счастливымъ, если онъ будетъ способенъ находить въ извѣстныхъ породахъ окаменѣлости и отличать ихъ отъ такихъ породъ, гдѣ уже на первый взглядъ ихъ нельзя ожидать. Съ геологическими наблюденіями могутъ быть связываемы наблюденія о климатѣ и о зонахъ растительной и животной жизни, также подтверждаемыя небольшими коллекціями, при чемъ можно сказать, что во всякомъ случаѣ легко соединить съ ботанизованіемъ и не менѣе полезнымъ собираніемъ луковицъ и сѣмянъ, составленіе коллекцій пресмыкающихся, насѣкомыхъ и раковинъ. Вотъ направленіе, которому можетъ слѣдовать на пользу естественныхъ наукъ и одинокій путешественникъ по Средней Азіи, но конечно хорошо, если ему удастся пріучить прислугу помогать въ составленіи коллекцій и собираніи полезныхъ свѣдѣній. Онъ испытываетъ, что хозяйственное управленіе экспедиціи, забота о безопасности ея и отыскиваніе дорогъ отнимаетъ отъ него самое лучшее время; сколько разъ онъ не имѣетъ возможности останавливаться во время дороги на интересномъ мѣстѣ, когда транспорту необходимо дойти



къ вечеру до корма, воды и хоть крошечнаго лѣса. Такихъ затрудненій много, очень много!

Въ Средней Азіи дѣлается предметомъ изслѣдованія человекъ, но не только въ качествѣ предмета естествознанія, но и въ качествѣ участника исторіи, въ которой играли свою роль даже кочевники. Кто знакомъ съ исторіею Средней Азіи, кто привыкъ заниматься исторіею культуры и искусства прочихъ народовъ, и кромѣ того сдѣлаетъ себя способнымъ независимо отъ переводчика вникнуть во взглядъ азіатскаго туземца посредствомъ знанія языка, соединеннаго съ сравнительнымъ знаніемъ прочихъ языковъ, тотъ увидитъ въ типѣ лица, въ произношеніи слова, въ каждой легендѣ, на первый взглядъ даже безсмысленной, въ обычаяхъ, въ одеждѣ, утвари и украшеніяхъ зданій — вліяніе прежнихъ временъ. Всматриваясь затѣмъ уже въ древнія жилища и памятники, глазъ путешественника мало-по-малу получаетъ способность группировать ихъ по извѣстнымъ началамъ и дать себѣ этимъ возможность новыхъ открытій, а если подъ руками нѣтъ средствъ для раскопокъ, то по крайней мѣрѣ дается драгоценное указаніе для будущихъ временъ. Во время путешествія въ Турфанъ, гдѣ затрудненія уже съ самаго начала оказались особенно большими, я могъ удовлетворить даже этимъ скромнымъ требованіямъ только въ ограниченномъ видѣ, тѣмъ не менѣе уже до обработки коллекцій мною вынесены нѣкоторые топографическіе, климатологическіе, геологическіе, ботаническіе, зоологическіе, этнографическіе и археологическіе результаты.

Что касается до топографической конфигураціи пройденной мѣстности, то оказалось, что теперешнія карты западнаго Китая требуютъ значительныхъ измѣненій. Дѣйствительно и здѣсь точно такъ, какъ и въ западномъ Тянь-шанѣ, повторяется законъ параллельности хребтовъ, идущихъ съ запада на востокъ, съ встрѣчающимися между ними междоузліями; затѣмъ и здѣсь между хребтами расположены нагорныя равнины и культурныя долины, и этому закону въ главныхъ чертахъ подчиняется и направленіе водяныхъ жилъ. Тянь-шанская система, изображающая въ западной половинѣ широкій горный ландшафтъ, поднимающійся надъ арало-каспійскою низменностью, образуетъ къ востоку отъ озера Иссык-Куля исполинскій плутоническій хребетъ, упирающійся съ южной стороны на южномъ кашгарскомъ отрогѣ монгольской степи, и имѣющій передъ собою на сѣверѣ террасы долинъ Текеса и Или, которыя отдѣлены другъ отъ друга только простымъ кряжемъ Узунъ-тау; послѣдній, состоящій изъ различныхъ породъ, раздѣ-

ляется на нѣсколько параллельныхъ кряжей только ближе къ Иссыкь-кулю, около Карвары и Чарыня, гдѣ онъ уже приближается къ заилійскому Алатау, и на востокъ переходитъ въ предгорія Нарата. Главный хребетъ Тянь-шаня понижается на меридіанѣ Кокъ-су и оканчивается около Карашара; около Кокъ-су же отъ Тянь-шаня отдѣляется плутоническій кряжъ Наратъ, разъединенный однако отъ него, какъ говорятъ, началомъ нагорной площади Большаго Юлдуса. Къ сѣверу отъ Или, между меридіанами Борохудзира и Хоргоса, простирается плутоническій центръ джунгарскихъ альпъ, отъ котораго отдѣляются къ западу параллельные кряжи Кату и Алтынъ-эмель, и кряжи, окаймляющіе рѣки Кокъ-су, Караталь и Біенъ. На востокъ, джунгарскія альпы распадаются на порфирное и сланцевое Сайрамское нагоріе и на плутоническій кряжъ джунгарскаго Алатау, между которыми вѣдрится долина Бороталы, переходящая въ сѣверный джунгарскій отрогъ монгольской степи; уже въ восточной джунгарской степи простирается кряжъ Барлыкъ, примыкающій къ восточному окончанію Алатау, а съ сѣвера степь окаймлена южнымъ Алтаемъ. Къ востоку отъ Сайрама, въ меридіанѣ города Кульджи, продолженіе южныхъ джунгарскихъ альпъ составлено изъ параллельныхъ другъ къ другу сланцевого Талкинскаго хребта и плутоническаго хребта Богдо (или Куюка), сливающихся въ одинъ, по имени Иренхабирга, около Чункурдабана, а къ сѣверу отъ Богдо простираются только до меридіана Борборогусуна параллельные хребты Кызы-эмчекъ и Тохумтукунгей, изъ которыхъ послѣдній начинается отъ сѣвернаго края Сайрама. Этой группѣ параллельныхъ хребтовъ соотвѣтствуютъ на востокъ нѣсколько короткихъ кряжей, выступающихъ отъ западнаго начала Иренхабирга въ видѣ мыса и образующихъ вмѣстѣ съ ними полукруглый бассейнъ, по которому рѣка Джинъ протекаетъ къ Эби-нору. Затѣмъ Иренхабирга продолжается въ видѣ нераздѣльнаго плутоническаго хребта до верховьевъ Каша, образуя, такимъ образомъ, столь величественный сѣверный край Тянь-шаньскаго ландшафта, какіе постоянно встрѣчаются въ главной линіи Тянь-шаня на югѣ. Около верховьевъ Каша находится новое междоузіе горъ, къ которому присоединяются гранитное окончаніе хребта Авраль-тау, расположеннаго между Кашемъ и Кунгесомъ, и сланцевая спайка отъ хребта Нарата. Начиная съ этого мѣста, Иренхабирга составляетъ уже сѣверный край нагорной площади Малаго Юлдуса, раздѣленнаго отъ параллельнаго съ нимъ Большаго Юлдуса только группою невысокихъ гранитныхъ



бугровъ. Такіе бугры вѣдряются между началомъ Малаго Юлдуса и началами южнаго Хапчагая, въ меридіанѣ Карашара и Манаса, и между послѣдними и Алгоемъ, въ меридіанѣ Санджи. Къ этому продолженію Юлдусскаго нагорія примыкають съ сѣвера параллельныя долины или нагорныя площади, гдѣ берутъ свое начало Манасская и Санджинская рѣки, а съ юга она запирается протяженіемъ горъ, занимающихъ пространство между Алгоемъ и Карашарскою равниною и которыя простираются далеко за Турфанъ, отдѣльнымъ вряжемъ. Долина Алгоя, идущая съ запада на востокъ, занимаетъ теперь на картахъ то мѣсто, гдѣ прежде рисовалось начало Малаго Юлдуса. Горы, сопровождающія Алгой съ сѣверной стороны, оканчиваются въ Турфанской степи невысокими грядами изъ песчаниковъ, а примыкающее къ нимъ продолженіе горъ Иренхабирга состоитъ около Дабанъ-шаня только изъ гряды порфировъ и сланцевъ, которая въ меридіанѣ Турфана примыкаетъ къ плутоническому хребту Богдо-ола; ось послѣдняго сходится не совсѣмъ точно съ горами, окаймляющими урочище Лянсянь съ сѣвера. Прорывъ Иренхабирга Дабанъ-шанскою рѣкою есть единственный подобный примѣръ въ Тянь-шанѣ. Очеркъ восточнаго Тянь-шаня могъ возбудить вопросъ о вулканичности его. Но до-сихъ-поръ найдены на тѣхъ мѣстахъ, гдѣ говорили о вулканахъ, только мѣсторожденія каменнаго угля и вулканы около Турфана и Урумчи оказались мнимыми. Дѣйствительно есть мѣста, гдѣ дымъ выступаетъ изъ поверхности земли, напр. около Сигашу, Лянсяни и другихъ мѣстахъ, но нѣтъ никакого указанія, чтобы и тамъ находилось что нибудь другое кромѣ каменнаго угля.

Вотъ въ главныхъ чертахъ результаты поѣздки, относящіяся до географіи Средней Азіи; касательно же исторіи географіи — важны находки древнихъ, по видимому арійскихъ, развалинъ, около Турфана, Санджи и также Манаса.

Мною привезены: значительная коллекція гербаріума, луковницъ, сѣмянъ и образцовъ растительныхъ культурныхъ произведеній, переданная мною въ Императорскій Ботаническій садъ, гдѣ коллекцію разрабатываютъ А. Д. Регель и консерваторъ Винклеръ; коллекція шкуръ большихъ звѣрей, пресмыкающихся, жуковъ и бабочекъ, передана въ Императорскую Академію Наукъ. Небольшая коллекція горныхъ породъ и окаменѣлостей изъ животнаго царства передана мною въ Горный Институтъ, гдѣ разработку взяли на себя профессоръ Романовскій и доцентъ Мушкетовъ;

коллекція же растительнаго царства также передана мною въ Императорскій Ботаническій садъ, но она взята на опредѣленіе профессоромъ Романовскимъ; коллекція остатковъ изъ древнихъ городовъ, кургановъ и сродныхъ съ ними предметовъ передана также въ Императорскій Ботаническій садъ. Составленъ предварительный эскизъ карты, переданный въ Топографическій Отдѣлъ Генеральнаго Штаба, гдѣ его разработкою занимается О. Э. Штубендорфъ.

А. Регель.  
Чл.-сопр. И. Р. Г. О.